

АБ МИШЕ (Анатолий Кардаш)

Литовский этюд

В аэропорту Вильнюса странная кучковалась группа. Крепкого уверенного сложения мужчины, холёные женщины – все пожилые, седовласые, все одетые ладно, по-заграничному, все молчащие мрачно. Глаза печальные, кладбищенские. Были они, однако, не сообществом после похорон, а иноземной туристской группой, нечастой для тогдашнего, 70-х годов, Советского Союза.

Они безмолвно протеснились за девушкой в аэрофлотской униформе к самолёту, разместились, взлетели, в иллюминаторы тоскливо глядя. До самой Москвы, сколько длился полёт, в салоне угрюмо стыла тишина. В ней, изредка колеблемой репликами, мерещилось только что виденное и оставленное: зелёные шелка полей, сизые пупыри валунов, обкатанных когда-то ледниками, неспешное течение рек, стынущие озёра, лесá, густо и мощно подпирающие сырое серое небо, – Литва их детства и молодости. Самолёт вынес туристов в невозмутимое солнечное пространство, внизу расклубились облака, где-то под ними угадывались вспышками памятного: хуторская тишина, мычание стада, мягкая материнская рука, костёл, концертный зал и трель рояля, запах сена и пот любви – всякому своё прошлое, в которое эти бывшие литовцы две недели назад отступили из своего американского или канадского благополучия. Они когда-то отчаянно упирались против неотвратимого советского нашествия, безнадёжная та война одарила кого могилкой, кого каторжной неволей, а везучие оказались в эмиграции, многие – сотни тысяч. Из везучих везучие исхитрились вот съездить на родину а теперь возвращались, надломив сердце повторным и, по всей видимости, окончательным прощанием с милой давностью. И самолётного их попутчика, кто ощутил тоску этих иностранцев, щемила сочувственная жалость: несчастные люди, мужественные, партизаны, легендарные «лесные братья», борцы, патриоты... Ему, попутчику-сопереживателю, давно опостылела советская власть, и борцы с ней гляделись в нимбах, патриотизм их окольцовывался ореолом романтики, драмы и боли. О чём ноет душа деда в соседнем кресле? Основательный мужик, лысина обрамлена сединой, глаз подвыцвел голубой, влажный, может быть, от чувствительной слезы; как невидяще глядит он в пустую голубизну за иллюминатором, и как горестно подпёрта

стариковская круглая, в голубоватых прожилках, щека морщинистой, мягкой, доброй ладонью... Попутчик только что путешествовал по Литве, очаровывался лугами и холмами, городскими силуэтами, обликом и говором жителей, достоинством их вежливой сдержанности и, в самолёте с эмигрантами летя, огорчался за литовцев. Об евреях тогда он не подумал, хотя побывал на здешних местах их гибели.

Не подумал, ибо не знал тогда многого, что сегодня раскрылось, что за годы гитлеровской оккупации в Литве исчезли евреи почти полностью, 96 процентов: из 200-220 тысяч выжило не больше 10 тысяч. И чего тут больше, немецкого усердия или литовского азарта, сходу не определишь – все старались. Но, в любом случае, литовские земляки евреев, их соседи, приятели, сотрудники и собутыльники, поработали на славу. По сведениям израильской исследовательницы Дины Порат (Вестник Еврейского университета в Москве, 1993, №2, с. 24) очевидцы массовых убийств евреев в 220 местечках не припоминают там вообще присутствия немцев – литовцы сами управились.

Литва и до прихода немцев не слишком евреев привечала: вековая христианская пропаганда против иудеев-«богоубийц» своё дело исправно делала, а обретенная после русской революции 1917 года государственная независимость плодоносила обширной мелкой и средней буржуазией, промышленниками и торговцами, на дух не выносящими еврейских соперников. Когда Литву в 1940 году захватил Советский Союз, зажатые прежним режимом евреи воспрями под интернационалистичной сенью новой власти и бросились ей в подмогу – литовским патриотам поперёк горла стала та спевка с большевистскими оккупантами. Народная молва множила ужасы. В январе 1941 г. вошедшие в Советский Союз прибалтийские страны и Молдавия избрали своих 100 депутатов в высший орган власти СССР, Верховный Совет, из них евреем оказался лишь один. Но в глазах народа ненавистная новая власть – сплошь из евреев, *иудео*-большевистская.

Злоба подогревалась из-за границы. Окопавшиеся в Германии беглецы от советских захватчиков создали там в 1940 году «Фронт Литовских Активистов» с нелегальными ячейками в Литве, они в 1941 г. в преддверии войны взывали к населению: *Близок час освобождения Литвы. О начале похода с Запада Вам сообщат по радио или иным способом. В ту же минуту... вам необходимо взять власть в свои руки. Следует немедленно арестовать всех местных коммунистов и других предателей Литвы. Предатели заслужат прощение только доказав, что*

каждый из них уничтожил хотя бы одного жид... Уже сейчас надо заявить жидам, что их судьба предрешена...

А сразу при нападении Германии на Советский Союз прозвучало обращение к населению: *Настал момент для сведения счетов с жидами... В Новой Литве ни одному еврею не будут предоставлены гражданские права и какая-либо возможность для существования...* (цит. по работе И. Арада «Уничтожение евреев на оккупированных территориях Советского Союза», 2005).

Литовцы включились в войну охотно, даже не ожидая немцев. 22 июня Литва взбунтовалась против советской власти. К бунтарям примкнул 29 Литовский корпус Красной Армии. Восставшие, объявив себя “партизанами”, бросились убивать отступающих красноармейцев, беженцев и, конечно же, евреев.

А как подкатила гитлеровская оккупация – замаячило Литве обрести независимость под прикрытием германских штыков. Из партизанских групп сколотились больше 20 батальонов «самообороны», в каждом по 500-600 полицаев – всего 13 тысяч человек (<http://www.budgetrf.ru/>). Добровольцев хватало: немцы отпускали в полицию из плена красноармейцев-литовцев, да и просто желающие пограбить или покуражиться над жидами могли ублаготвориться. И зарплату получать завидную, и имущество, отобранное прежде советской властью, полицию возвращалось – чего ж не послужить в охотку?

Пишет сегодня литовский патриот П. Станкерас (книга "Полиция Литвы в 1941-1944 годах"): *Подразделения Литовской полиции были сформированы не по приказу немцев, а по инициативе самих литовцев, их стараниями и на основе добровольности. Они были созданы для борьбы с большевизмом, в уверенности, что при помощи немцев будет восстановлена свобода и независимость... Никому не позволительно называть литовских полицейских немецкими наемниками, эсэсовцами, нацистами и другими прозвищами, ибо они были не предателями родины, а борцами за свободу своей страны... Смело заявим, что мы являемся воинами-ветеранами полицейских батальонов Литвы и 19-й гренадерской дивизии СС, бывшими бойцами за свободу...*

Командование только что организованными литовскими вооружёнными отрядами Вильнюса выпустило 30 июня 1941 г. приказ №1: *Под руководством Адольфа Гитлера доблестные армии Великой Германии разгромили огромное еврейско-большевистское бандитское общество и вновь освободили Литву от неслыханного*

террора и еврейского рабства... Нам оказана честь воевать рядом с лучшими в мире немецкими солдатами...

Сошлись литовские националисты с немецкими нацистами, завальсировали нога к ноге. Пляска на еврейских костях. Потому что немцев заботило прежде всего уничтожение евреев. Руководитель нацистской службы безопасности Р. Гейдрих поучал карательные войска на оккупированной советской территории: *Не следует препятствовать действиям по самостоятельному очищению [от евреев], производимым антикоммунистическими либо антиеврейскими кругами на завоеванных землях. Напротив, следует, по возможности, стимулировать их интенсивность – конечно, не оставляя следов, чтобы части «самообороны» не могли опираться в будущем на приказы и данные им политические обещания...* (то есть, чтобы никто не возомнил потом, что немцы отплатят государственной независимостью).

И. Арад приводит свидетельство очевидца: *По меньшей мере в сорока населенных пунктах вооруженные литовцы начали убивать евреев по своей инициативе еще до прихода туда немцев... Около 10,000 евреев было убито разными способами в первые недели после начала войны, все, как один, пали от рук литовцев...*

Другой свидетель Л. Гарфункель писал о Каунасе: *24 июня 1941 г. вечером в Каунас вошли первые отряды немецкой армии... В ночь с 25 на 26 июня литовские партизаны и просто литовцы, присоединившиеся к ним, устроили ужасную резню евреев Вильямполя – предместья Каунаса. Было около 800 жертв. Погромицики... расстреливали, резали ножами и рубили топорами... Дом, в котором нашли убежище несколько евреев, был подожжен... евреи сгорели заживо. Вдобавок к этому людей топили в реке Вилии... В полдень 27-го около 60 евреев были убиты с потрясающей жестокостью... во дворе гаража литовской фирмы «Летукус», на глазах у большой толпы любопытных литовцев...*

Это воспоминания евреев. Сейчас находятся недоверчивые: «сионистская ложь», «еврейские штучки»... Но свидетельствуют о тех днях немцы, каратели *Айнзацгруппы А*, уничтожавшей «евреев и комиссаров» в странах Балтии:

Задачей немецкой полиции безопасности было привести в действие акции по самоочищению и направить их в нужное русло, чтобы они как можно скорее

достигли цели. Не менее важно было утвердить для будущего бесспорный факт, что освобожденный народ сам, по собственной инициативе, принял суровые меры против врагов – большевиков и евреев – так, чтобы невозможно было понять, что за ними кроются намерения немецких кругов. В Литве нам впервые удалось это осуществить при задействовании партизан... В процессе первого погрома с 25 на 26 июня руками литовских партизан было уничтожено более 1,500 евреев; синагоги были частью сожжены, частью разрушены иным способом, а также был сожжен еврейский квартал, в котором насчитывалось около 60 домов. В следующие ночи теми же методами уничтожили еще 2,300 евреев. В других регионах Литвы были проведены акции, аналогичные Каунасской, но меньшего масштаба...

...Со времени оккупации Литвы немецкой армией не ослабел активный антисемитизм, быстро вспыхнувший там. Во всех шагах, предпринимаемых против евреев, литовцы выступали [на стороне немцев] с желанием и без усталости.

Литовские полицаи так усердствовали, что немцы их бросали и за пределы Литвы, когда местные убийцы не управлялись. Кроважность литовских карателей изумила даже немецкого коменданта Слуцка (Белоруссия), который жаловался начальству 30 октября 1941 г.: *В 8 часов утра 27 октября 1941 г. из Каунаса (Литва) прибыл ... адъютант командира 12-го литовского полицейского батальона безопасности. Он сообщил, что их батальон получил задание в течение двух дней ликвидировать все еврейское население города. Я решительно протестовал, заявив ему, что... большая часть оставшихся евреев в городе... в данное время очень нужны производству... Мы договорились, что проживающие в городе семьи ремесленников останутся нетронутыми... Командир вроде бы не протестовал... Однако спустя несколько часов мне пришлось констатировать, что они вообще не придерживаются нашего уговора. Где только находили евреев, они задерживали их, сажали на грузовики, возили за город и расстреливали...*

Весь город выглядел ужасающе. С неопишуемой жестокостью литовцы... выгоняли из домов евреев. По всему городу слышались выстрелы. На некоторых улицах появились горы трупов расстрелянных евреев. Перед убийствами их жестоко избивали чем только могли - палками, резиновыми шлангами, прикладами, не щадя ни женщин, ни даже детей... Это было похоже на настоящие акты вандализма. Я со своими сотрудниками все время находился в городе и старался спасти то, что еще можно было спасти. Были случаи, что я с револьвером в руках выгонял этих литовцев с предприятий...

Многие белорусы, которые доверялись нам, после этой еврейской акции очень встревожены... Мы потеряли доверие граждан к нам, которое мы с большим трудом приобрели. Пройдет много времени, пока мы его восстановим.

...солдаты данного полицейского батальона грабили не только евреев. Много домов белорусов были ими ограблены. Они забирали все, что только могло пригодиться - обувь, кожу, ткани, золото и другие ценности. По рассказам солдат вермахта, они буквально вместе с кожей стаскивали кольца с пальцев своих жертв. Даже склад, в котором хранилось имущество гражданских учреждений, тоже был ограблен. В казармах, куда их распределили, были проломлены и высажены рамы окон и дверей, которые они использовали для вечерних костров.

Во вторник я получил обещание от адъютанта командира, что в городе их полицейские больше не появятся, однако на завтра же моими людьми были задержаны двое из них при осуществлении грабежа.

Прошу выполнить только одно мое желание: в дальнейшем оградить меня от этого полицейского батальона. (Военно-исторический журнал, 1990, №2, с. 85-86).

И наконец, выразительное свидетельство каунасской литовки врача Е. Бувидайте-Куторгене, из её дневника 1941 г.:

26 июня. На рассвете подошла к окну и увидела, как к деревянному серенькому дому №13, где жили зубная врачиха с мужем и двумя маленькими детьми, подъехал грузовик, из него вышло несколько вооружённых человек. Они выломали дверь, вошли, зажгли электричество. Затем раздались отчаянные женские крики, полные неопишемого ужаса. Они продолжались несколько минут, затем мужской голос, точно умоляя о чём-то, залепетал (по-еврейски) быстро-быстро какие-то слова. Затем три-четыре выстрела и все смолкло. Мужской голос по-литовски сказал: "Без моего разрешения не стрелять», затем послышался жалобный детский плач. Снова два выстрела, и сразу тишина. (Значит, убили четырех невинных людей...)

Машина стояла долго, пока из дома не вышла группа молодых людей, человек шесть. "Идем дальше, — (по-литовски) сказал руководитель, направляясь к моему подъезду. — Здесь свои». И они завернули за угол.

Снова зашумел мотор. Вскоре опять заглушенные крики, три выстрела (револьверных)...

Очевидно, в течение часа убито семь-восемь человек, деловито, быстро, методически! Выстрелы постепенно удалялись. Теперь я знаю, что они значат!!! Мотор шумит, город безмолвствует, полиция не слышит! Немцы позволяют стрелять ночью, когда всем ходить запрещено. Ясно, что убийцы действовали с позволения новых хозяев! Дверь дома №13 закрыли, но электрический свет горел ещё сутки, и я с содроганием несколько раз глядела на него.

Первым моим движением было выбежать на улицу, кричать, звать на помощь... Кого? Кто поможет? Я записываю. Пусть остаётся свидетельство. Может быть, когда-нибудь возмездие покарает убийц...

В четыре часа утра снова зашумел мотор, снова выстрелы, всё ближе... Ужас охватил меня. Но мотор затих...

Через двадцать минут выстрелы снова. Я вижу убийц. Они вышли из дома напротив — четыре молодых человека с ружьями за плечами, быстро прошли по левой стороне улицы. Один — высокий красивый блондин с торжествующим, вызывающим, даже радостным лицом. Его черты врезались в мою память навсегда.

В шесть утра я вышла на улицу: в подворотне дома Мееровича на улице Канто лежал с разможженной головой старик-еврей.

Когда я спросила у дворника (брюнет со злобным лицом, с черными страшными глазами — не безумие ли в них?), кто, за что убил, он сказал: "Будете много разговаривать — и вам то же будет..."»

...Весь день продолжается патристическое садистическое упоение: с разрешения и одобрения начальства убивают и терзают евреев... Все литовцы, за малым исключением, единодушны в чувстве ненависти к евреям...

...Весь день люди с национальными литовскими повязками с видом победителей слоняются по улицам, врываются в дома, среди бела дня на возах вывозят еврейское добро, не брезгуя даже самым последним барахлом. Какая-то эпидемия, разгул жадности... Все вооружены ружьями...

Один больной рассказывал, что сам видел, как немцы заставили евреев, запряженных в лямки, тащить танк на высокий берег, а затем ещё на потеху провезти его вокруг ратуши. Вызвали из тюрьмы других, и они подбирали убитых... Как ужасно... Бесчеловечно... В "активисты", в так называемые партизаны, пошли или глупые мальчишки, обманутые лозунгом "независимой Литвы", или подонки общества для грабежа и безнаказанных убийств...

30 октября ... Увезено на смерть десять тысяч из гетто. Выбирали стариков, матерей с детьми, тех, кто не годятся для работы. Много трагедий: то муж был в

городе и, вернувшись, не застал ни жены, ни четырех детей! Или жену оставили, а мужа увезли. Очевидцы рассказывают: накануне было объявлено, что все кроме рабочих с удостоверениями, выданными раньше специалистам и мастерам, должны собраться в шесть часов утра на большой площади гетто, выстроиться в колонны. В первом ряду стоял совет старейшин с семьями, далее еврейская полиция, потом служебная администрация, разные бригады по роду работы и остальные. Одних посылали направо – это была смерть, других налево. Площадь окружили пулеметами и стражей. Было холодно, морозно. Люди простояли голодные, без вещей весь день. Дети плакали у матерей на руках. О своей судьбе никто не подозревал, думали, что переводят на другие квартиры (вечером даже спорили, ссорились из-за них). На рассвете распространился слух, что в Девятом форте [место смерти] военнопленные выкопали глубокие ямы, и, когда погнали туда, все поняли, что это смерть. Начали плакать, рыдать, кричать. Тех, кто по дороге пробовал бежать, убивали. Много трупов осталось на полях. В форте обреченных раздевали и партиями по триста человек загоняли в ямы. Прежде всего сбрасывали детей. Женщин расстреливали на краю ям, затем мужчин... Многие были закопаны живыми. Все убивавшие были пьяны. Об этом мне рассказал один знакомый со слов немецкого солдата — очевидца, который добавил, что он написал своей жене, католичке: «Вчера я убедился, что Бога нет, потому что если бы он был, то не мог бы допустить того, что свершилось» [«Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации (1941-1944)». Иерусалим, 1991, 120-3]

Офтальмолог Елена Бувидайте-Куторгене и ее сын, тоже врач, Виктор Куторга скрывали евреев в своей квартире. Осенью 1941 г. В. Куторга подготовил и через певицу В. Йонушкайте-Заунене, гастролировавшую в Швеции и Германии, передал союзникам обращение - первое сообщение о Шоа в Советском Союзе: «Обращение к народам мира. Пусть весь мир узнает о страшном терроре, который немцы проводили по отношению к евреям! Мы просим Вас опубликовать весь этот материал во всей свободной прессе мира... Мы просим... принудить сумасбродных главарей Германии прекратить эти преступления... и привлечь их к ответственности за зверские деяния, направленные к уничтожению всего еврейского народа... Предпринимайте все возможное, чтобы положить конец этим подлостям... Оповестите всех о настоящей правде... Помогите, помогите скорее! Д-р В. Куторга".

Елена Бувидайте-Куторгене и Виктор Куторга – Праведники среди Народов Мира, это звание, которым Израиль отмечает неевреев, спасавших евреев в годы войны.

Другая Праведница жила тогда в Вильнюсе. Она вспоминала отношение к погромам даже противников немецкого режима, местных подпольщиков: «Во всех нелегальных газетах, литовских и польских, которые попались мне, я не нашла ни одной статьи, которая была бы написана страстно, с сердцем, с кровью во имя еврейского народа и его защиты...» Это написала Она Шимайте.

Она Шимайте родилась в 1899 г. в Литве, в семье рабочих. В Риге, учась в средней школе, примкнула к подпольному революционному движению (партия эсеров) против русского царизма. Деятельное и действенное неравнодушие к судьбам обездоленных определили всю её будущую жизнь.

Продолжая учёбу в Москве на курсах учителей, Она всё свободное время и силы отдавала заботам о бездомных. Вернувшись с дипломом в Литву, работала в Ковно (ныне Каунас) учительницей и библиотекарем в университете. Когда Литва стала одной из республик СССР со столицей в Вильнюсе, Шимайте переехала туда и стала заведующей каталогом в библиотеке Вильнюсского университета.

С 1925 г., когда Шимайте ещё жила в Ковно, и до самой войны она занималась сбором денег для помощи политическим заключённым.

Немцы вошли в Вильнюс уже на третий день после нападения на СССР, 24 июня 1941 г., и немедленно началось избиение евреев, в котором с упоением участвовали литовские националисты. За годы германской оккупации только в Вильнюсе и его окрестностях было уничтожено до 100 тысяч евреев: десятки тысяч расстреляны в Понарах (Панеряе), остальные погибали за стенами гетто от голода, болезней, изнуряющего труда, погромов и казней.

Скромный библиотекарь Она Шимайте оказалась посреди оргии убийства. Позднее она вспоминала: «Я не могла работать, не могла есть. Мне было стыдно не быть еврейкой. Я чувствовала: надо что-то делать».

Она бросилась помогать, кому могла. Доцент университета еврей Мовшович укрылся в городе от угона в гетто и умирал от голода. Шимайте, мечась между чиновниками, исхитрилась выправить для него (на мужское имя, заочно!) продуктовые карточки – спасла от голода.

Но главной болью Óны было гетто – там гибель косила тысячи. Однако в гетто ни войти, ни выйти: у ворот стыли литовские полицаи и немецкие эсэсовцы. Óну осенило выпросить у властей разрешение собирать в гетто книги из университетской библиотеки, которые задержались на руках бывших студентов-евреев. И с 14 октября 1941 г. Óна стала ходить в гетто почти ежедневно, помогая знакомым, которых отыскивала, и незнакомым, которые отыскивали её.

Ограбленные немцами, отбравшими всё мало-мальски ценное, голодные, замерзающие, больные евреи просили Óну забрать вещи и ценности, оставленные на хранение литовским соседям. Она брала адреса, ходила по домам, стучалась к тем соседям. Одни не хотели ничего отдавать, ругались с Óной чуть не до драки, другие не верили ей («мошенница... врёт, что может в гетто пройти... всё себе заберёт...»), третьи грозили донести в гестапо. Шимайте терпела: слушала поношения, увещевала, уламывала, просила, требовала – упорно, неотступно, и в конце концов получала вещи, несла их в гетто, отдавала владельцам спасительные эти передачи.

Óна и сама жила впроголодь, снабжаясь по продуктовым карточкам. Полученные в нормированных оккупантами пайках хлеб, повидло, маргарин, сыр, рыбу можно было открыто проносить в гетто - Óна отдавала их нуждающимся детям и сиротскому дому гетто, собственный её рацион составляли картошка и капуста. Для детей Óна носила в пустыню гетто букетики цветов: детской душе нужны природа и красота.

Óна помогала и еврейскому подполью гетто: передавала наружу в город и обратно спрятанные среди продуктов или цветов переписку подпольщиков, фальшивые документы, инструкции по изготовлению оружия, а то и пистолет...

Кто-то донёс в гестапо про дружбу Óны с евреями, её вызвали, потребовали письменно обязаться не помогать евреям. Власти и других литовских юдофилов так же заставляли отвернуться от евреев – они подчинялись. А Óна удивила храбростью – отказалась. Ещё удивительнее, что немцы не настаивали и отпустили её.

Шимайте не изменяла себе: она не только продолжала деятельность в гетто, но и попыталась вне его, в городе, организовать нелегальный «Комитет спасения евреев» из знакомых поляков и литовцев, чтобы вызволять еврейских детей и еврейские культурные ценности, которые немцы активно вывозили из Вильнюса. Но знакомые, кто юдофобствуя, а кто от нехватки сил или мужества,

- отказывались. Вовлеклись в дело лишь три женщины, да несколько жертвователей, скрывших свои имена. Тем не менее Она сумела, сотрудничая с двадцатью евреями из «Штаба Розенберга» (немецкая организация по вывозу еврейских раритетов), спасти из Института ИВО, известной библиотеки Страшуна и других еврейских учреждений сотни свитков Торы, книги, рукописи, письма Толстого, Бялика, Горького, Ролана, И.-Л. Переца, Репина, Шагала, дневник Герцля, бумаги Виленского Гаона... Их пронесли в гетто, где укрывали в двойных стенках на чердаках и в подвалах, в специально построенном бетонном бункере. Множество материалов Она спрятала под полом своей крохотной квартиры и в университетской библиотеке. «Чтобы народ выжил, он должен сохранить свою культуру», - говорила Шимайте.

Из гетто Она вытащила рукописи многих литераторов и общественных деятелей, среди них дневник писателя Г. Крука, что дало возможность уже в 1943 г. донести до США сведения о положении в гетто Вильнюса. По спасённым Она материалам и сегодня изучают жизнь гетто.

Сохранение культуры и сохранение жизней – два равновеликих сражения Она Шимайте. Её усилиями из гетто был вызволен не один еврейский ребёнок, а сколько Она спасла от голода, холода, отчаяния?.. Во время «акций», как назывались истребительные операции немцев и литовцев в гетто, Она оставляла свою крохотную однокомнатную квартиру открытой для возможных еврейских беглецов. Её не страшило даже близкое соседство русской сотрудницы гестапо.

В накалённом юдофобией Вильнюсе Она витала вороной белой, но не вовсе одинокой. Ректор университета, литовский националист, позаботился помочь трём бывшим студентам – евреям гетто. Он просил Она передать им деньги. Она нашла студентов, передала деньги. С одной из них, Таней Штернталь, Шимайте подружилась.

Таня работала в подвале с другими еврейками – чистили картошку. Приходы туда Она – с едой, записками, новостями с «воли» - стали для полусотни узниц почти ежедневными праздниками.

Перед одной из «акций» Таня заболела. Горящую от жара Таню Она повела из гетто. «Она забрала меня, когда гетто было окружено бандами литовских и латышских убийц – взяла к себе домой и в свою постель. Хотя я была ей совершенно чужой, Она заботилась обо мне, как мать о собственном страдающем ребёнке», - вспоминала потом Таня.

О́на семь дней выхаживала её, а после поправки спрятала в университетской библиотеке. Оборудовала ей здесь место для сна ночью - днём Таня отсиживалась на чердаке. О́на снабжала Таню едой, предметами гигиены, вплоть до воды для мытья. В понедельник и праздники библиотека обычно была закрыта, но чтобы не оставлять Таню без присмотра, О́на теперь принимала посетителей ежедневно, объясняя любопытствующим, что врач велел ей больше двигаться и работать.

Таня скрывалась в библиотеке три месяца, до ночного налёта туда двух воров, поляка и немца. Поляк, увидев Таню, учуял в ней еврейку, но немец не дал отвлекаться – его интересовали только ценные книги. Назавтра О́на должна была вызвать на место кражи для расследования полицию и ректора. Пришлось срочно заметать следы пребывания Тани и найти ей другое место, скорняжную мастерскую, где она пробыла ещё три месяца. О́на и здесь опекала её, носила продукты до мая 1943 г., когда Таню с другими евреями отправили в Ригу.

В сентябре 43-го перед окончательной ликвидацией гетто одна еврейская мать попросила О́ну спасти её 10-летнюю дочь. Шимаите выправила у адвоката подложный документ и поместила девочку в детский дом как свою бездомную племянницу из разрушенного бомбёжкой городка. Может быть, опасаясь проверки, или по ошибке О́на указала в фальшивке несуществующий городок, и дело раскрылось. Девочку немцы расстреляли, а О́не за крупную взятку, собранную университетскими сослуживцами для гестаповского начальства, смертный приговор заменили отправкой в концлагерь Дахау.

О́на прошла пытки гестапо, где от неё требовали выдать всех, кому она помогала, и всех, кто ей помогал. «Я молилась, - позднее вспоминала О́на, - больше я ничего не могла сделать. Я старалась в своём мозгу спутать имена и адреса так, чтобы не суметь их вспомнить. И я молилась всем сердцем... И моя молитва нашла ответ». О́на не раз теряла сознание, но ни разу не проговорила. От истязаний в гестапо её спина навсегда перестала сгибаться.

Из Дахау её перебросили в концлагерь на юге Франции. После всех мучений О́на наконец была освобождена союзными войсками и поселилась в Париже. Через восемь лет в Израиле кто-то из спасённых О́ной в Вильнюсе узнал о её местонахождении и зазвал к себе в гости. Шимаите провела в Израиле два с половиной года. «То были счастливейшие мои дни», - вспоминала она.

Потом Она вернулась в Париж доживать свою жизнь, искалеченную и праведную. «Если есть в мире десять Праведников среди народов мира – Óну надо числить среди них», - писал поэт и герой сопротивления вильнюсского гетто Аба Ковнер. Сама же Шимайте в интервью французскому телевидению недоумевала, почему её считают героиней, «вот еврейский народ, переживший Катастрофу, - говорила она, - настоящий герой».

15 марта 1966 года Израильский Мемориал Яд ва-Шем присудил Óне Шимайте звание Праведницы среди Народов Мира, наградил медалью и правом посадить в Иерусалиме памятное дерево в свою честь. Однако дерево сажать было некому – Праведница жила в далёкой Франции. Спасённая ею кибуцница Таня Штернталь писала в Яд ва-Шем: «Я была бы счастлива, если бы вы пригласили её в Израиль посадить дерево. Мой кибуц отказался участвовать в расходах по её визиту».

Поездка не состоялась. Дерево от имени Óны посадила Таня.

17 января 1971 года в парижском доме для престарелых отмучалась Óна Шимайте - больная, нищая, не умевшая ничего просить для себя, одинокая, бездетная...

«Мамой» её называли евреи Вильнюсского гетто.

По данным Яд ва-Шем звание Праведника до 1 января 2007 г. получили 693 литовца. На деле их гораздо больше – ведь Яд ва-Шем поиска таких людей не ведёт, он только откликается на сведения, поступающие от спасённых евреев. Но будь Праведников даже тысяча или полторы, перевесят ли они 37 тысяч литовцев, воевавших на стороне нацистов (сведения сайта inforos.ru/)?

Обернусь к 1978 году, к тому самолёту, где летел я из Литвы с удручёнными заморскими литовцами и огорчался, болея за них. Сегодня задумываюсь: сколько тех плотнотелых туристов носило при немецкой оккупации белые повязки «партизан» и мундиры полицаев, сколько стреляло и глумилось? Не их ли уютно-пухлые, в возрастных веснушках, руки держали 27 июня 41-го года в каунасском гараже шланг, через который надували убиваемых с потехой евреев?

В ту поездку по Литве я побывал в Панеряй и случившуюся там, над расстрельными ямами, встречу позднее описал, как сфотографировал, в книжке

«Черновой вариант», вышедшей в свет в 1994 г. Ниже соответствующий кусок из книги:

Понары теперь называются Панеряй....

Я попал сюда уже околдованный Литвой. Предвечерняя тишина холмов, ухоженные поселки, бесхитростное течение Нямунаса, Чурленис... В костелах органы лелеяли гармонию, в лесах плескались птичьи голоса, ночные звезды горели любовью к миру, а присутствие десятилетнего сына и его успехи в плавании доводили до совершенства понятие «отпуск»: отпускалась прочь ерунда обыденности, отпускалось от всякой маеты сердце, отпущенными казались все грехи - легкость свободы...

И - Понары: безмолвие и безлюдие, сосны и песок, холмы и ямы. Ямы полуосыпались, заросли по склонам кустами и деревьями - больше тридцати лет с тех пор, когда стучали пулеметы и кровавое месиво тел заваливало ямы.

На возвышении - памятник: простейшая пирамидка. Возле ям надписи - черным на забеленных кусках жести с ножками-прутьями, врытыми в землю. Скупой текст, главным образом цифры с чередой нулей - число погибших. Вот и весь мемориал.

Сто тысяч человек под старыми соснами и молодыми березами, двести тысяч угасших глаз, упавших рук, остановившихся ног. Сто тысяч сердец, сто тысяч умов с их желаниями, радостями и бедами, сто тысяч неповторимостей, без лиц, без имен, без национальности...

Вдали в маленьком дощатом домике размеренно всхрапывает фуганок. Там намечается что-то вроде музея-памятника, и сейчас одинокий рабочий не спеша готовит деревянные рамы для стендов с фотографиями. Что ж, пускай хоть фотографии...

Сижу на краю ямы и думаю о тех, кто лег сюда вместо меня. Потом спускаюсь, на дне ямы подбираю обгорелую сосновую шишку (чей-то костер?) и возвращаюсь наверх, к сыну.

Мы медленно идем по песку между соснами, пока короткий оклик и призывный жест не привлекают нас на скамью возле домика, где грузный пожилой литовец в клетчатой рубахе, забрызганной опилками, жует булку, прихлебывает кефир и говорит русские слова, искореженные акцентом и жеванием. Постепенно из невнятицы проявляется смысл.

- Еврей? - спрашивает литовец.

- Да, еврей, - киваю я.

- А он? - литовец указывает на моего сына, который слегка озадачен несоответствием заурядности пейзажа и моей *омраченности*.

- Он наполовину русский.

- А... Все равно, - машет булкой литовец, — тоже там бы лежал... Я все это помню... Я здесь рядом жил. - Он указывает через дорогу, на *стеклянно-бетонные* прямоугольники города, вытеснившие прежнее деревянное поселение. - Я помню: стреляли ваших. Вот скажите, почему можно? Ходил человек на работу: утром придет сюда, сядет за пулемет, весь день стреляет детей, калек, старушек, потом перерыв на обед, вроде меня, - он усмехается бутылке кефира, - потом опять стреляет, а вечером идет домой, ужин кушает, со своим ребенком играет, с собачкой - как можно? Откуда такой? Я литовец и он литовец. Я много это думал...

Я думал о тех, кто лег, он - о тех, кто стрелял. Каждому свое.

... - Кто виноват, если человек стал зверем? – спрашивает литовец. - Я скажу: попы. Они тысячу лет говорили, что евреи хуже всех...

Двухтысячелетний грех христианского антисемитизма... Можно добавить: католическая церковь Литвы отмолчалась по поводу убийств евреев в годы оккупации, когда 22 июня 1941 года «Фронт Литовских Активистов» призывал: «Навеки освободим Литву от еврейского ярма!.. Старое право пребывания евреев в Литве полностью и окончательно отменяется», когда популярная газета вразумляла читателей: «Необходимо как можно быстрее вырезать еврейский гриб. Новая Литва будет красива, счастлива без евреев», когда Временное правительство Литвы, протянувшее с 23 июня 41-го года всего-то пару месяцев, в этот мотыльково-краткий период успело однако ж принять «Основы положения евреев», определившие в подробностях литовский извод Шоа, от их изоляции и ношения опознавательного желтого знака до лишения всех прав. Церковь только обсудила, грешно ли правоверным католикам пользоваться имуществом евреев. А что до убийств... Под крылом Временного правительства уничтожено 38 тысяч евреев, всего же до конца 1941 г., меньше, чем за полгода оккупации литовскими полициями вместе с отрядами айнзатцгруппы А истреблено свыше 160 тысяч евреев (данные И. Арада) - это около девятисот человек каждый день – и во всех частях литовских карателей имелись католические капелланы, они благословляли убийц.

Несколько лет назад римский папа Иоанн Павел II молился в Ватикане и в Иерусалиме: "Боже отцов наших, избравший Авраама и его потомков, чтобы они несли имя Твое всем народам: Мы глубоко опечалены поведением тех, кто в ходе истории причинил страдания этим Твоим чадам, и испрашивая у Тебя прощения, желаем установить поистине братские отношения с народом Завета». Сейчас, следуя этой новомодной робкой попытке просить у Бога (не у евреев, чур-чур нас!) прощения, литовские епископы в своём пасхальном послании нехотя признают, что «у части детей церкви в годы второй мировой войны не хватало любви к преследуемым евреям... Память Церкви отягощена в прошлом всеми проявлениями антисемитизма, который люди, лишённые чувства ответственности и христианской любви, стремятся разжигать в наши дни". Тем же временем в Шауляйском костеле освящают знамя местной нацистской организации, газета "Жямайтийос жинес" в 2003 г. публикует "Протоколы сионских мудрецов", а бригада литовской армии "Железный волк", ("Гележинас вилкас") – точно переняла своё имя от довоенной литовской фашистской организации (<http://www.budgetrf.ru/>).

Верно, кажется, всё про церковь. Верно? А Она Шимайте – набожная католичка? И кто бы разобрал ядвашемовских Праведников по конфессиям? Три четверти, не менее, - религиозные, христиане.

В интернете на сайте aep.ru сообщено 23.02.2004 г., что литовские монахи-францисканцы Юлюс Саснаускас и Арунас Пяшкайтис выступили против публикации в газете "Республика" (20 и 23 февраля) статьи главного редактора В. Томкуса "Кто правит миром", где автор определил владык мира: «евреи и геи». Монахи обвиняют газету в нацистской пропаганде образца времен Второй мировой войны. В 1976 г. Юлюс Саснаускас оказался среди нескольких вильнюсских старшеклассников, которых преследовало КГБ за связи с католической церковью. Ребят допрашивали, исключали из школы. Юлюса избивали в милиции. Не помогло, вон каким объявился Юлюс Саснаускас в 2004 году.

Литовские полицаи тоже ведь как-то уравниваются, помимо Литовской дивизии в Советской Армии (та дивизия на 85 процентов еврейская), 10 тысячами советских литовских партизан, 1800 их за бои с немцами награждено,

семеро - Герои Советского Союза. Несколько литовских деревень истреблено вместе с жителями за связь с партизанами.

Балансируют цифры и факты. На кладбище в Вильнюсе власти Литвы почтили память немецких солдат минувшей войны – 21 июня 2003 года, в аккурат под день нападения Германии на СССР. Соблюдается, в свою очередь, и другая дата, 23 сентября – годовщина уничтожения Вильнюсского гетто: в этот день здесь на памятнике кто-то регулярно рисует свастику.

...Чем жива Литва?..

«Окна» (Израиль), 21.06.2007 и 28.06.2007 (в сокращении)